

М. Н. Гернет. Фотография середины
XX в. [Гернет, 1941–1956, т. 1]

M. N. Gernet. Photograph from
the mid-20th century

Е. В. Тарле. 1940-е гг. Фотография
с сайта РАН (<https://new.ras.ru/>)

E. V. Tarle. 1940s. Photograph
from the RAS website

Hereditas:
nomina et scholae

**Образ Витте в ранней советской историографии:
Тарле vs Романов
(к 150-летию со дня рождения Е. В. Тарле)***

Игорь Лукоянов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**The Image of Witte in Early Soviet Historiography:
Tarle vs Romanov
(on Ye. V. Tarle's 150th Birthday)**

Igor Lukoianov

St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

The publication of the memoirs of Count S. Yu. Witte and the tenth anniversary of the overthrow of the monarchy in Russia caused a surge of interest in these events and in the figures of the past in Soviet Russia. Ye. V. Tarle was the first to prepare a small book dedicated to Witte's diplomatic activity. Despite relying primarily on the memoirs of his character and utilising only a limited number of sources, the author successfully presented an objective and colourful portrait of the count. This portrait was set against the broader context of the diplomatic history of Europe in the early twentieth century, with a particular focus on Russian-German relations. However, in "Witte studies", B. A. Romanov is usually regarded as a pioneer who began to prepare detailed documentary commentaries on Witte's memoirs even earlier than Tarle. It appears that the lack of recognition for Tarle's book, which was intended for a general audience and not for experts like Romanov's texts, is unjust. The academician demonstrated not only his nuanced understanding of the era but also broke new ground by presenting a personal profile of the most

* Citation: Lukoianov, I. (2025). The Image of Witte in Early Soviet Historiography: Tarle vs Romanov (on Ye. V. Tarle's 150th Birthday). In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 2. P. 804–816. DOI 10.15826/qr.2025.2.994.

Цитирование: *Lukoianov I.* The Image of Witte in Early Soviet Historiography: Tarle vs Romanov (on Ye. V. Tarle's 150th Birthday) // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 2. P. 804–816. DOI 10.15826/qr.2025.2.994 / *Лукоянов И.* Образ Витте в ранней советской историографии: Тарле vs Романов (к 150-летию со дня рождения Е. В. Тарле) // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 2. С. 804–816. DOI 10.15826/qr.2025.2.994.

prominent political figure of the Russian Empire of the late nineteenth and early twentieth centuries.

Keywords: Ye. V. Tarle, S. Yu. Witte, B. A. Romanov, diplomatic history of the late 19th – early 20th centuries

Выход в свет воспоминаний графа С. Ю. Витте в год десятилетия свержения монархии в России вызвал всплеск интереса к этим событиям и фигурам прошлого в советской России. Е. В. Тарле оказался первым, кто подготовил небольшую книжку, посвященную дипломатической деятельности Витте. Несмотря на то, что автор опирался в основном на мемуары своего героя и использовал небольшое количество источников, он сумел дать объективный красочный портрет графа на фоне общей дипломатической истории Европы начала XX в., преимущественно русско-германских отношений. Однако в «виттеведении» пальма первенства признается, как правило, за другим историком – Б. А. Романовым, который даже раньше, чем Тарле, начал готовить обстоятельные документальные комментарии к воспоминаниям Витте. По мнению автора, забвение книжки Тарле, написанной в расчете на массового читателя, а не на специалиста, как работы Романова, несправедливо: академик продемонстрировал в ней не только тонкое понимание им эпохи, но и первым представил личностную характеристику крупнейшего политического деятеля Российской империи конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Е. В. Тарле, С. Ю. Витте, Б. А. Романов, дипломатическая история конца XIX – начала XX в.

В 1927 г. в издательстве «Книжные новинки» в Ленинграде вышла небольшая (96 страниц карманного формата) книжка профессора Е. В. Тарле¹ «Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики». Она стала одним из пяти изданий серии «Царская Россия», посвященных литературным портретам некоторых деятелей императорской России [Бецкий, Павлов; Тарле, 1927; Заславский, 1927а; Заславский, 1927b; Канторович]. В 1927 г. страна праздновала десятилетие падения монархии в России, первая круглая дата была запечатлена на обложке, а стилизованный герб Российской империи был перечеркнут двумя жирными красными линиями. Биографические же очерки, очевидно, должны были показать, как выглядели эти представители прошлого, уступившие дорогу новой революционной России.

Представляется, что выбор издательства был отнюдь не случайным: героями серии стали очень разные персонажи, своего рода политические типы старого строя, наделенные в названиях выразительными эпитетами: «русский Рокамболь» – откровенный проходимец и олицетворение камарильи И. Ф. Манасевич-Мануйлов; «последний

¹ Академиком Тарле стал 7 мая 1927 г., до этого с 10 декабря 1921 г. он состоял членом-корреспондентом Российской академии наук.

временщик» и несостоятельный сановник А. Д. Протопопов; «рыцарь монархии», попавший в большую политику через Государственную думу, В. В. Шульгин; императрица Александра Федоровна. При этом императрице и С. Ю. Витте никаких эпитетов дано не было, Витте – просто «граф». На фоне других он олицетворял имперское начало и являлся, пожалуй, самым крупным государственным деятелем предреволюционной России.

Конечно, выбор двух последних героев вызывает некоторые вопросы. На их месте лучше смотрелись бы Николай II и П. А. Столыпин: первый – как слабый неудачный правитель, который, тем не менее, был ответственен за печальную судьбу империи, и второй – «могильщик революции», более яркий по сравнению с С. Ю. Витте символ последних лет имперской России. Очевидно, что это не позволили сделать цензурные ограничения, в соответствии с которыми даже их фамилии долгое время не разрешалось выносить на титульные листы книг. Ругательные эпитеты, неизменно сопровождавшие эти фигуры в советской печати, не позволяли предложить массовому читателю (а тираж каждой брошюры составлял 5 тыс. экземпляров) некарикатурные, более или менее объективные для тех условий портреты героев без проклятий в их адрес.

Небольшая книжка Тарле стала первым биографическим очерком, посвященным графу Витте, фигура которого была слишком крупной для нарождавшейся советской историографии. Именно поэтому за эту работу взялся академик, ведь для того, чтобы охватить весь круг деятельности Витте, нужно было хорошо ориентироваться в самых разных экономических, финансовых и политических проблемах поздней имперской России, а это было крайне сложно из-за громадного объема материала и слабой изученности многих вопросов. Конечно, интерес к Витте вызвала советская публикация его трехтомных воспоминаний – нечастый случай перепечатки без изъятий белоэмигрантского издания. М. Н. Покровский, снабдив советское переиздание мемуаров Витте, вышедшее в середине 1920-х гг., своим небольшим 16-страничным предисловием, сосредоточился в нем не столько на самом авторе, сколько на содержании его воспоминаний, ограничившись их «классовым» анализом [Покровский]. Людей – главных героев – вытеснили классы, а целеполагание – классовые интересы, всегда неизменные и непримиримые. Витте в его представлении – «крупный делец буржуазного типа», ставший сановником [Там же, с. XV]. Такая характеристика сразу объясняла читателю причины его двойственности и политические метания.

Но как соотносятся фигура С. Ю. Витте и профессиональные интересы Е. В. Тарле, историка Великой французской революции? Появление его книжки выглядит неожиданным, но это только на первый взгляд. По крайней мере с 1917 г. будущий академик активно интересовался текущей международной политикой и ее ближайшей историей. Его постоянные комментарии разных событий звучали в семье С. Ф. Плато-

нова, к которому Е. В. Тарле был тогда близок [см. об этом: Платонова]. Следствие этого интереса – книга Тарле «Европа в эпоху империализма», впервые увидевшая свет в том же 1927 г. [Тарле, 1927b]².

В книге было отражено совсем не ленинское понимание империализма. Исследователь существенно сузил его, убрав понятие концентрации производства, а для капитала подчеркивал лишь его глобализацию (правда, тогда не употребляли и само это понятие), то есть перетекание по миру в поисках наиболее благоприятных условий. Из всего этого историк выводил борьбу за рынки – сначала дипломатическую, а затем военную, что подводило к вопросам внешней политики и дипломатической истории. Объяснение политики, обнаруживаемое в состоянии рынков, и производная от них внешняя политика, которая находилась в центре внимания автора, – в этом и состояло влияние марксизма на Тарле. Конечно, это сильно упрощало картину. Однако, формально подчеркивая близость во взглядах с М. Н. Покровским, Тарле не утрировал экономические интересы до прямого управления ими внешней политикой. Даже такое осмысление, выполненное высокоэрудированным историком с привлечением значительного массива фактов, являлось серьезным достижением в историографии. Важно и то, что в книге Тарле действуют люди, а не классы.

Исследование «о Витте» – это в значительной части те фрагменты, которые не попали в монографию «Европа в эпоху империализма». С первых страниц книжки понятно, что это не хорошо фундированное исследование, а легкий набросок психологического портрета³. Именно психологическое состояние исторического персонажа интересовало Тарле, который как бы пытался ответить на вопрос: каким был человек, который написал такие воспоминания? Его не смущает субъективность оценок графа, его вольное обращение с фактами при описании любых событий, когда его личные политические интересы стоят неизмеримо выше скрупулезного следования правде. Закономерно, что при таком подходе Тарле находит в Витте прежде всего незаурядную личность, а не представителя класса. Витте в подаче Тарле – не делец, а государственный деятель, большой дипломат, но никак не приказчик буржуазии. Историк отмечает у своего героя целый ряд важных личных качеств: дар понимать противника, умение в случае необходимости «сдать назад» и «обезвредить» собственные ошибки [Тарле, 1927а, с. 13]. Еще для Тарле характерно то, что у него совершенно нет отрицательных комментариев в адрес Витте, что вскоре станет заметно выделяться на фоне советской историографии. Однако наблюдения историка над автором-мемуаристом быстро переходят на дипломатические сюжеты (в основном на материале русско-германских отношений, что объединяет труд о Витте и уже упоминавшуюся работу «Европа

² В 1928 г. вышло второе дополненное издание книги.

³ Характерна оговорка А. В. Игнатьева, назвавшего эту небольшую книжку Тарле статьей [Игнатьев, с. 8].

в эпоху империализма...»), а также дальневосточной политики Петербурга перед русско-японской войной и обстоятельств заключения крупнейшего в истории России внешнего займа 1906 г. Иные стороны обширной деятельности графа, например, его деятельность на посту премьер-министра, по выражению автора, «нас тут не касаются» [Тарле, 1927а, с. 74]. Тарле прямо сообщает читателю: «вся огромная область внутреннеполитической и финансово-экономической деятельности Витте устранена нами из этого специального очерка» [Там же, с. 77].

Концентрируя внимание на международной деятельности Витте в период 1894–1906 гг., автор называет своего героя «полнейшим оппортунистом в политике внешней» [Там же, с. 13]. Оппортунизм в понимании Тарле – это, по-видимому, бросающаяся в глаза самостоятельность Витте, его стремление вести тот курс, который именно он, а не Министерство иностранных дел и даже не Николай II считает предпочтительным. Дипломатия Витте начитается у Тарле с экономических сюжетов, а точнее – с истории заключения таможенного договора с Германией в 1894 г. [Там же, с. 12–19]. В ходе непростых переговоров Витте проявил недюжинное упорство, в результате Россия получила то, что Тарле называет «блестящей русской» победой «над германскими аграриями» [Там же, с. 18]⁴. Современники по-разному отнеслись к договору как в России, так и в Германии. Столь высокая оценка, данная историком усилиям российского министра финансов, по-видимому, вызвана тем, что Тарле мог опираться преимущественно на немецкие материалы, содержавшие критику собственного правительства со стороны аграриев (прусскому рыцарству соглашение совершенно не нравилось). Характерно, что в переговорах с германским императором у историка действует только Витте, царя как бы не существует.

Следующий важный для Тарле сюжет – это дальневосточная политика России рубежа XIX–XX вв., в которой Витте не только принимал активнейшее участие, но и являлся на протяжении десятилетия главным ее архитектором. Тарле сам никогда не занимался историей внешнеполитической деятельности России на Дальнем Востоке, но основные ее факты и линию событий он изложил весьма грамотно [Там же, с. 18–49]. Конечно, читателю сразу бросается в глаза значительное сходство оценок историка с теми, которые присутствуют в мемуарах его героя. Но означает ли это, что Тарле дал интерпретацию событий, «целиком следуя концепции Витте» [Ананьич, с. 34], проигнорировав ряд статей и публикаций Б. А. Романова, который предложил иную концепцию политики России на Дальнем Востоке? Действительно, до 1927 г. Б. А. Романовым была издана серия из восьми работ, которые, согласно указа-

⁴ Современная историография несколько иначе расценивает русско-германское соглашение 1894 г. Ср.: «Договор явился разумным компромиссом, достигнутым путём взаимных уступок сторон. <...> Хотя он и не ликвидировал торговых противоречий между двумя странами, но создал солидную правовую основу для развития торговли, способствовал дальнейшей активизации экономических отношений между ними» [Субботин, с. 87].

нию самого автора, являлись «документальным комментарием» ряда мест из мемуаров Витте [Романов, 1922; Романов, 1923b; Романов, 1922; Романов, 1924; Портсмут; Романов, 1926; Безобразовский кружок]. Тарле, кстати, оказался едва ли не единственным из маститых историков, поддержавшим разыскания Романова в новейшей политике с 1921 г., когда скептицизм в его адрес высказали многие, в том числе и учитель Романова С. Ф. Платонов [Панеях, с. 74]. Вряд ли возможно сомневаться в том, что академик был знаком с их содержанием: в эти годы они активно общались, Романов был подчиненным Тарле по службе в Центрархиве. Более того, единственная прямая ссылка на исследования, содержащаяся в книжке Тарле, адресует читателя к статье и публикации Романова «Лихунчангский фонд» [Тарле, 1927а, с. 30], то есть «игнорированием» это назвать никак нельзя. Вероятно, дело в том, что академика не вполне устраивал взгляд Романова на Витте. Несмотря на то, что в упомянутых статьях Романова никакого цельного, законченного образа Витте нет⁵, он на нескольких страницах изложил свое представление о нем как государственном деятеле и о направленности его политики [Романов, 1922, с. 425–432]. В текстах Романова сановник был представлен сыном «прежней старой барской правящей России», вынужденным заниматься программой «всесторонней европеизации России» при обязательном условии сохранять самодержавие [Там же, с. 426, 429]. Но главный акцент был сделан не на этом тезисе, а на оценке агрессивной направленности политики Витте, которая, несмотря на действительное нежелание будущего графа вступать в военный конфликт, все же вела Россию к войне. Романов сблизил «“нормальный”, капиталистический империализм Витте и “первобытно-торгашеский”, “феодальный” – Николая», выделенные Покровским и им же разведенные [Романов, 1924, с. 81, прим.]. Тарле, наоборот, подчеркивал нежелание Витте вступать в конфликт: «чем дальше шел процесс захвата Китая, тем решительнее Витте боролся против всякой активной политики России на Дальнем Востоке» [Тарле, 1927а, с. 33]. Разумеется, тарлевский Витте не мог быть равен романовскому Витте – главному виновнику русско-японской войны, который должен был отвечать за все.

В своей работе Тарле уделил немало внимания «безобразовцам» – оппонентам Витте, олицетворявшим «феодальную» политику России [Там же, с. 41–46]. Ему даже удалось услышать их аргументы вживую. На одной из публичных лекций историка зимой 1920–1921 гг. (дата неточная), посвященной причинам русско-японской войны, оказался В. М. Вонлярлярский, один из главных участников безобразовской группы. Услышав, как Тарле «начал громить “концессионеров на Ялу”», он попросил сообщить лектору в перерыве, «что я сижу в зале и могу документально доказать, что он ошибается». Якобы во второй части лекции, на которой присутствовало около 400 чел., «Тарле заявил, что

⁵ Утверждение В. М. Панеяха, что Романов «впервые в литературе нарисовал впечатляющий социально-психологический портрет Витте», просто не соответствует действительности [Панеях, с. 75].

“должен взять свои слова относительно г. Вонлярлярского назад, т. к. во время перерыва он получил сообщение, что они не соответствуют действительности и могут быть документально опровергнуты”». Чуть позже С. Ф. Платонов познакомил Вонлярлярского с Тарле уже лично. По мнению незадачливого концессионера, историку «было очень неприятно выслушать от меня опровержение той лжи о “концессиях на Ялу”, которую он излагал с кафедры, поверив “Воспоминаниям” гр[афа] С. Ю. Витте» [Вонлярлярский, с. 240–241]⁶. Однако Тарле не воспользовался приглашением мемуариста ознакомиться с его личным архивом. Романов был более любезен, подарив Вонлярлярскому оттиски своих публикаций, но рассказы Вонлярлярского также не произвели на него большого впечатления.

Академик рассматривал феномен безобразовцев исключительно через отражение ими помыслов и мечтаний самого Николая II. Загадку Безобразова и неспособность Витте объяснить причину его влияния Тарле пытался разгадать через анализ личности Николая II. По его мнению, влияние на царя имели те «ротмистры», которые мыслили и действовали созвучно с царскими желаниями: «Безобразов делал именно то, чего еще до его появления желал Николай» [Там же, с. 41–42].

Нередко расхождения в профессиональных взглядах и оценках отражаются на личных взаимоотношениях, но в случае с Тарле и Романовым этого, кажется, не произошло. С 1920-х гг. они регулярно общались, и не только как начальник и подчиненный в Центрархиве, но и в неформальной обстановке в существовавших тогда кружках молодых историков [Штакельберг]. Тарле поддерживал своего молодого коллегу, интересовался его научными делами. Некоторые свидетельства их близости в 1920-е гг. приводит В. М. Панеях [Панеях, с. 82–84]. Даже «Академическое дело» не повлияло на эти отношения: Тарле в своих показаниях очень осторожно отозвался о Романове [Академическое дело]. Романов же, в свою очередь, после возвращения к профессиональной деятельности продолжал пользоваться поддержкой академика в самых разных вопросах, включая чисто личные. Это отчетливо прослеживается в его письмах [Екатерина Николаевна Кушева; Романов, 2023]. Тарле дважды выступил оппонентом на защитах Романовым кандидатской и докторской диссертаций, высоко оценив их. Однако Романов так и не высказал отношения к работе Тарле о Витте, ни разу не упомянул ее ни в одной из своих работ, даже в специальной статье [Романов, 1946]. В текстах самого Романова Витте-дипломат оказался полностью зажат рамками его дальневосточной политики, а его «ди-

⁶ Зимой 1920–1921 г. Тарле имел возможность познакомиться лишь с первыми газетными публикациями фрагментов мемуаров графа (они начали появляться в берлинской газете «Руль» с 25 декабря 1920 г.), то есть в очень незначительном объеме, и вряд ли успел ознакомиться с его версией истории концессии на Ялу. Возможно, Вонлярлярский перепутал дату: тут же он сообщает, что познакомился с Романовым, который «любезно передал мне оттиски его работ» [Вонлярлярский, с. 241], что не могло произойти ранее 1923 г. Если и лекции Тарле состоялись позднее, тогда все встает на свои места.

пломатия» была сведена лишь к участию, пусть и первенствующему, в выработке российского курса в регионе. В дальнейшем это понимание разошлось с тарлевскими оценками 1927 г. Для академика Витте в Портсмуте «был актером в страшно трудной пьесе, но разыграл он ее... блистательно» [Тарле, 1927а, с. 62].

Тарле высоко оценил именно дипломатическое искусство будущего графа: «Витте повел переговоры с искусством, вызвавшим (когда были узнаны детали) восхищение присяжных дипломатов» [Там же, с. 65–66]. Здесь историк сослался даже на собственные впечатления: «Пишущий эти строки находился во время портсмутских переговоров в Париже и внимательно следил как за французскою, так и за английскою и американскою печатью» [Там же, с. 61]. Романов, наоборот, стал писать историю Портсмутского мира совершенно иначе: «вместо русского Портсмута мне нужно сделать американский монтаж на тему о стержневом положении США в 1905 г... для выполнения государственного задания по плану, который сейчас объявлен непререкаемым законом» [Екатерина Николаевна Кушева, с. 149]. Поэтому в «Очерках дипломатической истории русско-японской войны» у историка действуют не столько люди, сколько великие державы и их интересы. За дипломатами оставлены лишь технические функции – и это как раз тот подход, который был абсолютно чужд Тарле с его опытом изучения международных отношений первой половины XIX в., где в политике действовали Меттерних, Талейран, Горчаков и др., а не обезличенные интересы.

Наименее удачно, даже чрезмерно просто Тарле написал об истории российского займа 1906 г., самого крупного за историю империи и тесно связанного с именем Витте [Тарле, 1927а, с. 77–90]. Хотя к 1927 г. уже появились обстоятельные публикации (вышли сборник Романова о международном капитале и его же публикация в «Красном архиве») [К переговорам Коковцова; Русские финансы]. «Заем до Думы ценой Марокко» – к такой формуле историк свел все усилия Витте, отметив, что цена успеха была высока: Россия таким образом совершила едва ли не решающий шаг к сближению с Англией, который сильно ухудшил русско-германские отношения, фактически поставив крест на излюбленной идее сановника – континентальном союзе.

Конечно, невнимание к деталям является уязвимым местом исследования Тарле о Витте. Одна из причин этого – нехватка документальных источников. Сам он, помимо воспоминаний своего героя, упомянул лишь один – это дневник И. Я. Коростовца, российского дипломата, который тот вел в Портсмуте, находясь в составе делегации во главе с Витте [Коростовец]. Формат издания не предусматривал развернутого научного аппарата, но по ряду фраз можно догадаться, что под рукой у историка были также воспоминания А. Ф. Кони о Витте [Тарле, 1927а, с. 45], дневник А. В. Богданович [Там же, с. 40], уже вышедшие в свет тома документальных публикаций по истории Первой мировой войны в Англии, Франции и Германии. Очевидно, что Тарле

использовал их, иначе откуда бы он узнал о встрече Витте с японским посланником С. Курино в Петербурге осенью 1903 г. [Тарле, 1927а, с. 49] или о мирной инициативе Т. Хаяши летом 1904 г. и реакции на нее [Там же, с. 54–55]? Однако этого все равно было недостаточно, поэтому неточности в книжке встречаются часто. Большинство из них вызвано доверием историка к тексту мемуаров Витте. Так, Тарле принимает за чистую монету утверждение сановника, что он и не помышлял о движении южнее трассы КВЖД [Там же, с. 31]⁷. Или утверждение графа, что он уже в конце 1902 г. «горячо настаивал на немедленной эвакуации Маньчжурии» [Там же, с. 40], и т. д. Мелких фактических погрешностей вроде «отставной ротмистр» Безобразов [Там же, с. 42] или той, что касалась письма Витте начальнику канцелярии Императорской главной квартиры А. Ф. Гейдену не до, а после назначения российским уполномоченным в Портсмут [Там же, с. 59] и др., также хватает. Части из них можно было бы избежать при более тщательной работе с большим кругом источников.

Однако Тарле вложил не слишком много труда в написание данной книги. Он отчасти подтвердил свою репутацию небрежного автора, которая тянулась за ним с момента защиты первой диссертации в Киеве в 1901 г. [Каганович, с. 31–32]⁸, а также лектора – «хлесткого пустозвона», хотя, по свидетельству А. Е. Преснякова, Тарле готовил свои выступления с усердием [см. об этом: Платонова, с. 249]. Но, несмотря на внешнее впечатление некоторой легковесности, представленная книга заслуживает внимания. Она показывает широту горизонтов Тарле, его умение увидеть и оценить крупного деятеля в рамках эпохи, разглядеть в нем черты выдающегося дипломата исходя из собственного понимания дипломатии и знаний истории Европы того времени. Для историка тогда был характерен германоцентризм: в книжке он постоянно сбивался на немецкие сюжеты. Тарле через дипломатический портрет Витте увязал внешнюю политику России с Германией – это то, что не попало в «Европу...». Другие авторы, в частности, Романов, склонны были искать корни многих решений в русско-французских отношениях. Разумеется, с Тарле можно спорить, но, по большому счету, именно в этом впору усмотреть главное значение его книжки.

Если статьи, а особенно книга Б. А. Романова 1928 г. «Россия в Маньчжурии», посвященная по преимуществу политике Витте и переведенная на несколько иностранных языков, получили заслуженную широкую известность, то тарлевскому «Витте» не повезло. Ее забвению способствовали перипетии личной биографии академика: арест в рамках «Академического дела», затем ссылка – все это сопровождалось отлучением Тарле от профессии на несколько лет и настоящим шельмованием его работ. Особенно ярко это проявилось в книжке

⁷ Романов документально показал, что это было совершенно не так.

⁸ Тарле был уличен в крайне небрежном переводе на русский язык «Утопии» Т. Мора.

Г. Зайделя и М. Цвибака. На «критике» Тарле сосредоточился Зайдель. В его докладе «Тарле и его школа» историк был объявлен классовым врагом, вредителем, который «выполнял “социальный заказ” русской буржуазии» [Зайдель, Цвибак, с. 22]. В связи с книгой «Европа в эпоху империализма» историку было предъявлено совершенно несправедливое обвинение в том, что, анализируя причины Первой мировой войны, он якобы доказывал «голубиную невинность Антанты» [Там же, с. 39]. К счастью, внимание погромщиков не распространилось на «Витте»: приведенных «улик», с их точки зрения, было вполне достаточно. Очевидно, именно разгром его работ заставил Тарле поменять тематику исследований: после счастливого освобождения и возвращения ему возможности писать и публиковаться историк предпочел уйти в более отдаленные, чем XX в., эпохи.

Однако и после того, как над Тарле распростерлась длань Сталина, не раз защищавшая его от нападков, работа о Витте оставалась вне внимания коллег-историков. Такая ситуация сохраняется и сейчас. Данная книга даже не упоминается ни в обстоятельном труде Ф. А. Ротштейна [Ротштейн], ни в обобщающей работе 1981 г. «Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография» под редакцией А. Л. Нарочницкого, ни в пятитомнике «История внешней политики России», вышедшем в московском издательстве «Наука» в 1995–1999 гг. под редакцией А. Н. Сахарова. А. В. Игнатьев в своей монографии «С. Ю. Витте – дипломат» лишь упоминает книжку, практически не замечая работу Тарле [Игнатьев]. Только Н. М. Дружинин при обсуждении 17 марта 1948 г. «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» в Институте истории в Москве заявил, что «с Б. А. Романовым мог бы поспорить только Е. В. Тарле», но благодаря анализу обширного комплекса материалов «слагается более глубокое убеждение в правильности сделанных [Романовым] выводов, чем при чтении работ Е. В. Тарле» [цит. по: Панеях, с. 242]. Наконец, по утверждению наиболее авторитетного биографа Тарле Б. С. Кагановича, «в исследовательской литературе о Витте этот очерк не оставил особенно заметного следа», и именно Романов стал основателем научного виттеведения [Каганович, с. 119].

Отдавая должное трудам Романова, надо признать, что в их основе лежит прежде всего колоссальная работа с документальным материалом. Но его сшивку многочисленных фактов в единую ткань с трудом может усвоить читатель-неспециалист. Не случайно самая «качественная» его книга «Россия в Маньчжурии» расценивается исследователями за границей как своеобразный источник – свод фактического материала из российских архивов. Все-таки, полагаю, нет достаточных оснований отказывать тарлевскому «Витте» в научности на основании сопоставления с работами Романова. Тарле как большой историк международных отношений в Европе XIX в. изобразил с помощью небольшого количества данных пусть и не так хорошо фундированный, но интересный и убедительный портрет Витте-дипломата, в котором

видна не только его личность. При желании в книге можно обнаружить важные выводы, касающиеся эпохи в целом. Идеи ее автора уже вошли в историографию, ими не следует пренебрегать.

Библиографические ссылки / References

Академическое дело 1929–1931 гг. : документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб. : Б-ка Акад. наук, 1993. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1–2. 746 с.

Ананьич Б. В. Мемуары С. Ю. Витте в творческой судьбе Б. А. Романова // Проблемы социально-экономической истории России : К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб. : Наука, 1991. С. 31–41.

Безобразовский кружок летом 1904 года / публ. Б. А. Романова // Красный архив. 1926. № 4 (17). С. 70–80.

Бецкий К., Павлов П. Русский рокамболь : И. Ф. Манасевич-Мануйлов. Л. : Книж. новинки, 1927. 109 с.

Вонлярлярский В. М. Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин : Рус. нац. изд-во, 1939. 253 с.

Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов : Переписка 1940–1957 годов. СПб. : Лики России, 2010. 479 с.

Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 232 с.

Заславский Д. Последний временщик Протопопов. Л. : Книж. новинки, 1927а. 67 с.

Заславский Д. Рыцарь монархии Шульгин. Л. : Книж. новинки, 1927б. 68 с.

Игнатъев А. В. С. Ю. Витте – дипломат. М. : Междунар. отношения, 1989. 333 с.

К переговорам Коковцова о займе в 1905–1906 гг. / публ. со вступит. ст. Б. А. Романова // Красный архив. 1925. № 3 (10). С. 3–37.

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2014. 357 с.

Канторович В. А. Александра Федоровна : Опыт характеристики. Л. : Книж. новинки, 1927. 67 с.

Коростовец И. Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году : Дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа С. Ю. Витте во время Портсмутской конференции. Июль – сентябрь 1905 г. // Былое. 1918. № 1. С. 177–220; № 2. С. 110–146; № 3. С. 58–85; № 6. С. 154–182.

Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 444 с.

Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань : НРИИД, 2020. 880 с.

Покровский М. Н. Предисловие // Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II : в 3 т. Л. : Гос. изд-во, 1924. Т. 1. С. XIII–XXVIII.

Портсмут. Переписка С. Ю. Витте и других лиц / публ. Б. А. Романова // Красный архив. 1924. № 6. С. 3–47; № 7. С. 3–31.

Романов Б. А. Витте и концессия на р. Ялу (документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С. Ю. Витте) // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг. : [Б. и.], 1922. С. 425–459.

Романов Б. А. Витте как дипломат (1895–1903 гг.) // Вестн. Ленингр. ун-та. 1946. № 4–5. С. 153–172.

Романов Б. А. Витте накануне русско-японской войны (документальный комментарий к «Воспоминаниям» гр. С. Ю. Витте) // Россия и Запад. Пг. : [Б. и.], 1923а. Вып. 1. С. 140–167.

Романов Б. А. Концессия на Ялу. К характеристике личной политики Николая II // Рус. прошлое. 1923б. Т. 1. С. 87–108.

Романов Б. А. «Лихунчангский фонд» (из истории русской империалистической политики на Дальнем Востоке) // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 77–126.

Романов Б. А. Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке в 1892–1925 гг. // Сиб. огни. 1926. № 4. С. 98–116.

- Романов Б. А. Письма к жене. СПб. : Дмитрий Буланин, 2023. 392 с.
- Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. / сост. Б. А. Романов. М. ; Л. : Моск. рабочий, 1926. 400 с.
- Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 708 с.
- Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М. : ИРИ, 1996. 271 с.
- Тарле Е. В. Граф С. Ю. Витте : Опыт характеристики внешней политики. Л. : Книж. новинки, 1927а. 93 с.
- Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927б. 483 с.
- Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoriam. М. ; СПб. : Феникс, 1995. С. 19–86.
- Akademicheskoe delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [Academic Case of 1929–1931. Documents and Materials of the Investigative Case Fabricated by the United State Political Directorate]. (1993). St Petersburg, Biblioteka Akademii nauk. Iss. 2. Delo po obvineniyu akademika E. V. Tarle. Parts 1–2. 746 p. (In Rus.)
- Anan'ich, B. V. (1991). Memuary S. Yu. Vitte v tvorcheskoi sud'be B. A. Romanova [Memoirs of S. Yu. Witte in the Creative Destiny of B. A. Romanov]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Romanova*. St Petersburg, Nauka, pp. 31–41. (In Rus.)
- Betskii, K., Pavlov, P. (1927). *Russkii rokambol': I. F. Manasevich-Manuilov* [Russian Rocambole: I. F. Manasevich-Manuilov]. Leningrad, Knizhnye novinki. 109 p. (In Rus.)
- Ekaterina Nikolaevna Kusheva – Boris Aleksandrovich Romanov. Perepiska 1940–1957 godov* [Ekaterina Nikolayevna Kusheva – Boris Aleksandrovich Romanov. Correspondence from 1940–1957]. (2010). St Petersburg, Liki Rossii. 479 p. (In Rus.)
- Ignat'ev, A. V. (1989). *S. Yu. Vitte – diplomat* [S. Yu. Witte, a Diplomat]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 333 p. (In Rus.)
- Kaganovich, B. S. (2014). *Evgenii Viktorovich Tarle. Istorik i vremya* [Yevgeny Viktorovich Tarle. The Historian and His Time]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 357 p. (In Rus.)
- Kantorovich, V. A. (1927). *Aleksandra Fedorovna. Opyt kharakteristiki* [Alexandra Fedorovna. An Attempt at Characterising]. Leningrad, Knizhnye novinki. 67 c. (In Rus.)
- Korostovets, I. Ya. (1918). *Mirnye peregovory v Portsmute v 1905 godu: Dnevnik I. Ya. Korostovtza, sekretarya grafa S. Yu. Vitte vo vremya Portsmutskoi konferentsii. Iyul' – sentyabr' 1905 g.* [Peace Negotiations in Portsmouth in 1905: Diary of I. Ya. Korostovets, Secretary of Count S. Yu. Witte during the Portsmouth Conference. July – September 1905]. In *Byloe*. No. 1, pp. 177–220. No. 2, pp. 110–146. No. 3, pp. 58–85. No. 6, pp. 154–182. (In Rus.)
- Paneyakh, V. M. (2000). *Tvorchestvo i sudba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov* [The Work and Fate of a Historian: Boris Aleksandrovich Romanov]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 444 p. (In Rus.)
- Platonova, N. N. (2020). *Dnevnik (1889–1921)* [Diary (1889–1921)]. Ryazan, Noveishaya rossiiskaya istoriya: issledovaniya i dokumenty. 880 p. (In Rus.)
- Pokrovskii, M. N. (1924). Predislovie [Preface]. In Vitte, S. Yu. *Vospominaniya. Tsarstvovanie Nikolaya II v 3 t.* Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 1, pp. XIII–XXVIII. (In Rus.)
- Romanov, B. A. (1922). Vitte i kontsessiya na r. Yalu (dokumental'nyi kommentarii k “Vospominaniyam” gr. S. Yu. Vitte) [Witte and the Concession on the Yalu River (Documentary Commentary to the “Memoirs” of Count S. Yu. Witte)]. In *Sbornik statei po russkoi istorii, posvyashchennykh S. F. Platonovu*. Petrograd, S. n., pp. 425–459. (In Rus.)
- Romanov, B. A. (1923a). Vitte nakanune russko-yaponskoi voyny (dokumental'nyi kommentarii k “Vospominaniyam” gr. S. Yu. Vitte) [Witte on the Eve of the Russo-Japanese

War (Documentary Commentary on the “Memoirs” of Count S. Yu. Witte)]. In *Rossiya i Zapad*. Petrograd, S. n. Vol. 1, pp. 140–167. (In Rus.)

Romanov, B. A. (1923b). Kontsessiya na Yalu. K kharakteristike lichnoi politiki Nikolaya II [Concession on the Yalu. Towards the Characteristics of the Personal Policy of Nicholas II]. In *Russkoe proshloe*. Vol. 1, pp. 87–108. (In Rus.)

Romanov, B. A. (1924). “Likhunchangskii fond” (iz istorii russkoi imperialisticheskoi politiki na Dal’nem Vostoke) [“Lihunchang Fund” (from the History of Russian Imperialist Policy in the Far East)]. In *Bor’ba klassov*. No. 1–2, pp. 77–126. (In Rus.)

Romanov, B. A. (1926). Osnovnye momenty v russkoi politike na Dal’nem Vostoke v 1892–1925 gg. [Crucial Moments in the Russian Policy in the Far East in 1892–1925]. In *Sibirskie ogni*. No. 4, pp. 98–116. (In Rus.)

Romanov, B. A. (1946). Vitte kak diplomat (1895–1903 gg.) [Witte as a Diplomat (1895–1903)]. In *Vestnik Leningradskogo universiteta*. No. 4–5, pp. 153–172. (In Rus.)

Romanov, B. A. (2023). *Pis’ma k zhene* [Letters to Wife]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 392 p. (In Rus.)

Romanov, B. A. (Ed.). (1924). Portsmut. Perepiska S. Yu. Vitte i drugikh lits [Portsmouth. Correspondence of S. Yu. Witte and Other Persons]. In *Krasnyi arkhiv*. No. 6, pp. 3–47. No. 7, pp. 3–31. (In Rus.)

Romanov, B. A. (Ed.). (1925). K peregovoram Kokovtsova o zaime v 1905–1906 gg. [On Kokovtsov’s Negotiations on the Loan in 1905–1906]. In *Krasnyi arkhiv*. No. 3 (10), pp. 3–37. (In Rus.)

Romanov, B. A. (Ed.). (1926). Bezobrazovskii kruzhok letom 1904 goda [Bezobrazovsky Circle in the Summer of 1904]. In *Krasnyi arkhiv*. No. 4 (17), pp. 70–80. (In Rus.)

Romanov, B. A. (Ed.). (1926). *Russkie finansy i evropeiskaya birzha v 1904–1906 gg.* [Russian Finances and the European Stock Exchange in 1904–1906: Collection of Documents]. Moscow, Leningrad, Moskovskii rabochii. 400 p. (In Rus.)

Rotstein, F. A. (1960). *Mezhdunarodnye otnosheniya v kontse XIX veka* [International Relations at the End of the 19th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 708 p. (In Rus.)

Shtakel’berg, N. S. (1995). “Kruzhok molodykh istorikov” i “Akademicheskoe delo” [“Circle of Young Historians” and “Academic Trial”]. In *In memoriam*. Moscow, St Petersburg, Feniks, pp. 19–86. (In Rus.)

Subbotin, Yu. F. (1996). *Rossiya i Germaniya: partnery i protivniki (torgovye otnosheniya v kontse XIX v. – 1914 g.)* [Russia and Germany: Partners and Opponents (Trade Relations at the End of the 19th Century – 1914)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii. 271 p. (In Rus.)

Tarle, E. V. (1927a). *Graf S. Yu. Vitte. Opyt kharakteristiki vneshnei politiki* [Count S. Yu. Witte. An Attempt at Characterising His Foreign Policy]. Leningrad, Knizhnye novinki. 93 p. (In Rus.)

Tarle, E. V. (1927b). *Evropa v epokhu imperializma 1871–1919 gg.* [Europe in the Age of Imperialism 1871–1919]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo. 483 p. (In Rus.)

Vonlyarskii, V. M. (1939). *Moi vospominaniya 1852–1939 gg.* [My Memories, 1852–1939]. Berlin, Russkoe natsional’noe izdatel’stvo. 253 p. (In Rus.)

Zaidel’, G., Tsvibak, M. (1931). *Klassovyi vrag na istoricheskoi fronte* [Class Enemy on the Historical Front]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo. 232 p. (In Rus.)

Zaslavskii, D. (1927a). *Poslednii vremenshchik Protopopov* [The Last Short-Term Minister Protopopov]. Leningrad, Knizhnye novinki. 67 p. (In Rus.)

Zaslavskii, D. (1927b). *Rytsar’ monarkhii Shul’gin* [Knight of the Monarchy Shulgin]. Leningrad, Knizhnye novinki. 68 p. (In Rus.)